

СЕРГЕЙ АЛЕВТИНОВИЧ СМИРНОВ

Проректор НГУЭУ по инновациям и науке.
Доктор философских наук.
Профессор кафедры психологии.

Автор и редактор сайта: www.antropolog.ru

Автор и редактор гуманитарного альманаха «Человек.RU»

E-mail: smirnov@nsaem.ru

ФАРМАЦЕВТИКА АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕНДОВ

Можно ли управлять трендами?

На прошлом семинаре мы пытались осуществить работу по диагностике радикальных антропологических трендов и провести их некую классификацию¹.

Понятно, что подобная работа необходимым образом должна быть концептуально обеспечена. Диагностика не может быть проведена простым назывным эмпирическим способом. Поэтому С.С. Хоружий продельвал диагностику на основе концепта размыкания и известного концепта трех топик [8].

Известно, что в основании представлений о человеке в синергийной антропологии предлагается концепт человека как ансамбля энергий и практик, предельных и энергийных проявлений человека.

Осуществляя диагностику радикальных антропологических трендов с этой позиции, Хоружий и определил последние как такие практики, в которых и через которые человек отрицает себя, собственную идентичность, доводит себя до пределов собственного естества, перестает быть самим собой.

Хоружий выделил в итоге ряд таких трендов-практик исчезновения привычной человеческой идентичности и формирования таких радикальных и пограничных видов постчеловека как киборг и мутант.

Теперь же мы пытаемся обсуждать иной, более амбициозный вопрос – переход от понимания и диагностики трендов к их управлению. Нам необходимо добавить к диагностике дополнительные работы, такие, как мониторинг, аналитика, классификация практик, которые предлагают антропологическую альтернативу радикальным самоубийственным трендам.

От адекватности наших оценок зависит и то, что далее делать.

Приведем два примера из культуры, точнее из истории гуманитарной философской рефлексии.

В свое время известный наш философ и методолог науки М.К. Петров описал феномен зарождения нового античного социокода, который формировался в том числе с помощью модели – пиратского корабля пентеконтеры [4; 5]. Корабль выступал

¹ См. материалы этого семинара в: «Человек.RU». Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ, 2010. – № 6.

в качестве культурного тренажера, на котором вырабатывался новый тип мышления, сменившего старый тип крито-микенской цивилизации на новый культурный социальный код в античной цивилизации. Так вот. С одной стороны, пентеконтера была неотъемлемой частью Эгейской цивилизации, крито-микенской культуры. Она соединяла тысячи островов. С ее помощью эта морская держава крепилась и развивалась. Но с другой стороны, на пентеконтере выросло палубное мышление, мышление пиратов и мореходов, торговцев и управленцев, кибернетесов. И потом оно сошло на берег. И на берегах стала формироваться новая культура. И появились первые философские школы, чеканка монет и древне-греческое письмо. И все эти феномены формировались в одно время.

Один и тот же культурный феномен может зародиться в одной культуре и стать убийцей этой культуры и геном зарождения новой культуры, гораздо более мощной, задающей новую эпоху. Пентеконтера – яд для царя Миноса. Но лекарство для царя Одиссея.

Другой пример.

А.А. Пузырей в своем докладе памяти Выготского в 1996 году показал, как основатель культурно-исторической психологии задал два радикально разных подхода в разных своих работах и в разные периоды своего творчества [6].

В «Трагедии о Гамлете» Л.С. Выготский предъявил один подход, а в более поздних работах – иной. Можно спорить. Но речь идет в целом о двух оптиках мышления психолога и психопрактика. Добавлю – и антрополога.

Можно подходить к человеку с точки зрения психологии секрета. То есть с заранее готовой меркой, моделью, представлением о нем. И если в реальных практиках происходит какой-то сбой, наблюдаются проблемы, то психолог (или врач, терапевт, педагог, исследователь) подходит к человеку с готовой меркой. Он пока не знает, в чем проблема. Но он применяет свою модель к человеку, смотрит, как тот реагирует на реакции, как он себя ведет, какие у него анализы, симптоматика и становится как бы ясно – в чем проблема. Был некий секрет, потом он разгадывается и человек становится понятен в своих причинах и действиях. Так строится философия или психология секрета. Здесь применяется практика манипулирования, разных действий с сознанием и поведением человека. Так действуют многие человековеды и человеколюбы. Так стал действовать и Л.С. Выготский в своем позднем периоде творчества, когда пытался переделать человека, полагает А.А. Пузырей.

Но есть иная философия – тайны. Это философия человека возможного, который никогда не может быть разгадан. Он всегда в перспективе. И последнее слово о нем не сказано и не будет сказано. Такая философия строится в рамках практик майевтики, которая предполагает не разгадывание человека, а раздвигание для него и им самим собственных горизонтов, онтологических оснований с помощью специальных антропопрактик преобразования.

Эти примеры показывают, что к нынешним антропологическим трендам можно относиться и с точки зрения секрета, и с точки зрения тайны.

Большинство исследователей, любов и ведов, пытаются проделать как раз операцию по разгадыванию человека. Они разгадывают геном человека, человеческий мозг, все более становясь похожими на мальчишек, ковыряющихся в игрушках и пытающихся разведать – что там внутри.

А рядом возможна и иная стратегия – стратегия тайны, предполагающая не разгадывание человека, а выработку в новых условиях родовых человеческих практик, позволяющих раздвигать онтологический горизонт и возвращать человека к себе самому.

В этой связи зафиксируем позицию.

Мы понимаем управление трендами именно в категориях собственно управления, под которым имеем в виду целый ряд деятельности. Это диагностика трендов, их мониторинг, аналитика и главное – инициация антропологической альтернативы, выработка в новых условиях таких практик, которые бы предъявляли человеку иное видение и понимание, иной способ собственно антропологического самоопределения, возвращавшего его к самому себе. Иначе говоря, управлять трендами можно прежде всего через запуск новых трендов, противоположных тем, которые убивают человека и ставят его на грань исчезновения. Это делать возможно лишь сугубо практически. И здесь заканчивается собственно научно-исследовательский дискурс и начинается дискурс сугубо антропологический, ставящий в человеке его человеческие качества.

Теперь взглянем поближе к новым явлениям и трендам.

Симптоматика трендов

Начнем с вещей, которые как бы лежат на поверхности. Компания с забавным названием «Радость понимания» вместе с компанией *Vojo* Research провели исследование, которое большей частью было связано с исследованием маркетинговых предпочтений, но в итоге получились весьма интересные и не тривиальные результаты, показывающие не просто предпочтения покупателей, но и некие новые собственно антропологические тренды, связанные с новыми привычками людей, их новым образом жизни [9].

Данные исследования были опубликованы в интернет-сети в апреле 2010 года. Не будем пересказывать буквально результаты исследований, их статистику и фактуру. Нам важны собственно новые явления и то, как мы будем их объяснять самим себе.

1. Появились новые профессии и виды занятости. Такие, как event-менеджер, блогер, лайф-коуч, выгульщик собак, муж на час, подружка невесты. Но что это означает? За этим стоят новые привычки, новый образ жизни, новые индустрии и проч. Тем самым меняется социальная среда.

2. Во многом появление подобных новых профессий связано с таким трендом, как жизненный аутсорсинг. Мы все больше вещей, услуг, работ передаем другим за плату. Мы не только заказываем пиццу на дом. Мы заказываем приготовление ужинов, стирку белья, выгул животных, воспитание детей, ремонт квартиры, ремонт машины и проч. Мы высвобождаем себя все более от внешних работ, освобождаем себя от обязанностей, от домашних дел по самообслуживанию. Мы освобождаем себя все более от заботы вообще, чтобы самим только получать удовольствия. Мы высвобождаем себя от этих забот в пользу чего? Ночной жизни? Клубов, ресторанов? Водки, бани, игровых клубов? Или в пользу библиотеки, книги, работы?

3. Но что в результате происходит? В результате высвобождения от работ и забот мы постепенно утрачиваем свои базовые навыки, способности. Считать мы давно сами не считаем. Передоверяем калькулятору, компьютеру, мобильнику. Также уже сами не пишем, а набиваем текст на клавиатуре. Мы не выводим на чистом листе бумаги буквы. Нам это буквально физически все труднее делать. И тем самым не рисуем форму мысли. В итоге сами не мыслим. Мы перестаем писать. Сразу набираем текст на компьютере. Чистый лист бумаги и ручка – уходят в прошлое. Чтобы что-то написать – приходится себя заставлять. Моторика письма, ключевая практика и органика, становится уходящей натурой.

Мы утрачиваем простые, но радикально важные способности, в итоге у нас не формируются новые функциональные органы. Например, утрачиваем навыки устного счета и письма. А многие люди не умеют сами гладить, стирать, делать элементарные работы по дому.

Мы не помним номера телефонов, не пишем их в записные книжки, не записываем их на листочках, не прикрепляем их над телефоном дома. Доверяем эту память мобильникам. Это тот же аутсорсинг. При этом номера телефонов близких людей почти не помним, поскольку все они в памяти мобила или ноутбука.

4. Но что происходит в результате жизненного аутсорсинга? Он становится массовым. Мы не только доверяем машине быстро и много запоминать, быстро считать, проделывать операции. Мы доверяем машине жить за нас. Мы отдаем машине самих себя, поскольку, переставая делать простые вещи сами, переставая писать и считать, запоминать, мы перестаем быть самими собой.

Осуществляя жизненный аутсорсинг, отдавая простые, но базовые заботы о себе, мы, замещая их удовольствиями, теряем собственное авторство, собственную точку зрения, собственное мнение, чтобы делать выбор, чтобы высказываться. Доверяем разным брендам, рекламам, пиарам. Не можем окончательно решить, хороши или плохи эти ботинки или этот пиджак. Мы перестаем доверять самим себе.

5. Дальше – больше. Мы теряем содержание в символических сущностях. Это уже давно фиксировали постмодернисты. Тот же Ж. Бодрийяр. Или Ж. Делез и Ф. Гваттари. Писавшие о машинах производства желаний, давящих на наши точки удовольствий и желаний. И мы как те самые мышки и кошки, давим на педальку в стремлении получить снова и снова желаемое удовольствие.

Знак давно оторвался от денотата. Знаковая форма – от содержания. Остается просто самостоятельный знак, бренд, марка. Она и есть сущность. Берется она. Человек живет в знаках, а не в сущностях, то есть не в содержаниях. То есть в симулякрах и симуляциях.

6. За этим стоит желание просто взять. Жизнь строится как захват и приобретение. Можно просто взять. Купить. Иметь. Не затрачивая на освоение усилий. При атрофированных органах работы остается только одно действие – взятие, имение. А супермаркеты становятся местами, кладезями, где все это обилие мира можно взять.

7. Стирание привычных социальных классов, групп. В мире потребления симулякров формируются массы и магазинные толпы, живущие в супермаркетах, кафешках, уличных толпах.

Эти массы живут со своим укладом и языком. Языком эсэмэсок, месседжей, коротких реплик, электронной почты, покетбуков, текстов в ай-пэдах, которые читаются в метро, машине, залпом. Быстро. Как глоток воды. Точнее, колы.

8. Мобильные офисы. Даже голубые воротнички исчезли. Класс, идущий на завод, давно исчез. Исчезает и голубой воротничок. Остается офисный планктон, переплывающий из одного места в другое, живущий не понятно где, не прикрепленный к месту. Даже офисы свои компании уже не заводят как постоянные места работы. Можно работать в любом месте, имея мобил и ноутбук и возможность подключения к сети.

9. Фразы, высказывания становятся все короче. Мы становимся похожи на Эллочку-людоедку. Короткое чтение и короткие тексты. Текст эсэмэсок, электронных писем. Читать некогда. Снижается навык работы со сложной информацией и сложными, длинными текстами.

Кстати, само слово «эсэмэска» – удивительное явление. Лингвисты отмечают этот новый феномен в языке – образование слова из аббревиатуры, состоящей из английских букв, да еще с чисто русским ласковым окончанием «-ка».

10. Появилась снэк-культура. Мы едим быстро, мобильно, еда в упаковках. Читать нам тоже некогда, писать некогда. На ходу едим, пьем, решаем вопросы, общаемся, занимаемся сексом, между делом рожаем и воспитываем детей. Да и рожать перестаем. Заводим пары без семьи. Бой-френды и подруги. Безопасный секс.

Общаемся по принципу вдох-выдох. Быстро. На раз.

Фастфуды бурно растут. Суррогаты национальных кухонь растут как грибы. Заказ еды на дом. Все то же продолжение аутсорсинга.

Растет число кулинарных шоу на ТВ. Опять готовка быстро, по рецепту, по рекламе (на шоу сплошная реклама тех или иных фирм и продуктов).

Значит, человек испытывает не просто желание иметь. А иметь быстро, легко, не затрачивая усилий. Без заботы. Чтобы быстро, удобно. Прямой агрессивный хитрый, адресный маркетинг.

Вы не выбрали еще? Тогда мы идем к вам!

11. Гибридизация потребления – делаем одновременно несколько дел. Едем в машине, слушаем радио, едим и даже занимаемся сексом.

Дотошные американцы провели исследование – кто чем занимается во время вождения машины. Выяснилось, что за рулем люди бредутся, едят, делают себе мэйк-ап, занимаются сексом, переодеваются, читают. И это все за рулем.

12. Люди не размышляют публично вслух. Не рассуждают. Не дискутируют. Вместо дискуссий – ток-шоу. Вместо докладов, устных сообщений, размышлений вслух – презентации с помощью Power Point. Они показывают слайды и комментируют их. Люди привыкли к картинкам, слайдам, киношкам, мультипликации, анимации². Публикации В.В. Бибихина и М.К. Мамардашвили с их устными лекциями и публичными размышлениями похожи на открытия динозавров.

13. Усиление виртуального общения. Бурный рост социальных сетей. Все срочно кинулись общаться «в контакте». Или в Одноклассниках. Или в Face-book. Самое действенное воздействие – через социальную сеть. Знакомства, встречи, что-то надо объявить, узнать. Учитывая это, компании заряжают рекламу в интернете, в социальных сетях.

Например, вузы делают рекламу все более в социальных сетях. Поскольку молодые не читают газет, не слушают радио, даже не смотрят ТВ. Оно для молодых – уже вчерашний день.

Дети не играют во дворе в казаки-разбойники. Мало общаются на переменах в школе. Больше общаются в интернете, играют в стрелялки. Быстро отучаются от игры в песочнице.

Школьники отсиживают весь день в школе. На переменах не общаются. Приходят домой и срочно начинают общаться друг с другом же – но в виртуальных сетях³.

Увеличение социальных сетей ведет с одной стороны к увеличению поверхностных контактов, сиюминутных связей, быстрых встреч. Их нельзя назвать и встречами-расставаниями. Мы не встречаемся и не расстаемся, а просто контактируем. Как молекулы.

Но с другой стороны растет при такой массовизации и корпускуляризации, атомизация. Не усиление личностных начал, а усиление индивидуальности, отдельности, изолированности. Виртуальные сети позволяют мне прятаться за никами, за псевдонимами. За обилием масок. Я могу как бы присутствовать в сети, но анонимно, как тень, мелькая и меняя свои ники. Ускользая.

² Это показательно. Например, наш антропологический семинар уже давно патриархален. Мы делаем длинные устные доклады. Произносим длинные речи. Выстраиваем долгий дискурс, рассчитанный на долгую память и длинную волю. Но на форумах и конференциях все давно перешли на формат презентаций со слайдами, короткие сообщения, экспертные панели, дискуссии, на реплики и фразы.

³ Феномен такого странного публичного одиночества и еще более странного одинокого общения отметили авторы сборника «Социальные сети...» [2].

Фармацевтика культуры

Примеры можно продолжить. Симптоматика поучительна. Но так ли уж она убийственна? Ведь не интернет сам по себе является убийцей нас самих. Не сами по себе мобилы и ноутбуки.

Любой тренд может быть использован и во благо, и во зло. Как и любое орудие, инструмент может быть использован во благо или во зло и стать оружием.

С одной стороны, мировая сеть становится паутиной. И реклама лишает меня авторства и собственной точки зрения. Я перестаю уметь выбирать. Аутсорсинг выбивает у меня навыки развития.

С другой стороны, Интернет помогает быстро организоваться. Сплотиться и выступить против беззакония и насилия, как в случае с Химкинским лесом или борьбой за права водителя, которого обвинили в убийстве бывшего губернатора Алтайского края Евдокимова.

Или быстрая форма сетевой самоорганизации помогла антиглобалистам выступить организованно на саммите большой восьмерки.

Мобил может быть использован также во благо или во зло.

Например, что такое короткие форматы общения? Эсэмэски и чаты, всякие аськи и электронная почта.

Сама по себе короткая фраза не означает убожество общения. А.П. Чехов всю жизнь учился писать коротко. Искусство писать – искусство вычеркивать, говорил он, вымарывая длинные фразы и куски текста. Он не писал романы. Он писал рассказы. Дружил с Л.Н. Толстым, но был противником толстовства. Сотни его рассказов соперничают с полифонией толстовского романа.

Ф. Ницше и С. Киркегор выстраивали свой жанр короткого письма против гегелевского многотомного наследия. Весь XX век потом пытался повторить ницшеанские сутры. Но мало у кого получилось.

Я уж не говорю о восточной традиции. Весь канон Дао дэцзин написан короткими фразами.

Также и В.В. Розанов. Тот писал на клочках бумаги. Писал «Уединенное» в уединении и онтологическом одиночестве. И после него остались короба этих мыслей. А Ландау в очереди к зубному врачу на коробке спичек писал математические формулы.

Значит, дело не в длине фразы. Просто постиндустриальная культура потребления приучает нас к быстрому и обильному потреблению. Чтобы машины меняли раз в три года. Как рубашки и тряпки. Поносил – выбросил. Сдал в утиль.

Инструкции к товарам быстрые, понятные. И самоучитель встроен в сам товар. Появляются как бы «умные товары». И они понятны прежде всего детям. Мобилы и ноутбуки любой ребенок осваивает на раз. Быстрее взрослого. И короткий язык электронных сообщений ему понятен. Чтобы быстрее взять. И ему, человеку, как бы продлевают детство. И формируется длинный инфантильный возраст. Ему 30, а он все инфант. Играет в стрелялки.

Это понятно. Человек взрослеет рано в невзгодах. Поседевший на войне мальчик 10 лет считается аномалией, трагедией. Но почему-то 30-летний инфант уже не считается аномалией.

И этот самый инфант и берет эту снэк-культуру, этот набор пустых упаковок, симулякров. Ему это кажется круто. Cool!

Именно берет. Упаковку можно только брать и потреблять, не затрачивая усилий. Потому короткая фраза для него – продолжение акта потребления.

А короткая фраза Чехова – результат усилия. Экзистенциального напряжения. Дело не в длине фразы, а в степени ее духовной концентрации. А концентрат задается содержанием. Мыслью. Было бы что сказать.

Итак, мы возвращаемся к проблеме фармацевтики антропологических трендов. Увиденные тренды (тот же жизненный аутсорсинг) – это таблетка для исцеления или яд?

В этой связи мобильник, ноутбук, интернет – какую они задают эпоху? И какая человеческая идентичность приходит на смену уходящим натурам? Ведь эти инновации и означают новую пентеконтеру, тренажер для выработки новой цивилизации. Какой?

Наряду с трендом на анонимность и безымянность, на размывание идентичности нарастает встречный тренд – на рост возможностей себя конструировать, себя строить.

Человек все более освобождается от наследия – от традиций, от данности, от того, что тебе дали (пол, страну, город, цвет волос и глаз) – и движется в сторону постоянного эксперимента над собой.

И этот эксперимент может воплощаться как в радикальных самоубийственных практиках, так и в практиках преображения, практиках онтологического роста.

Жизнь воспринимается как личный проект, а не как судьба, которая задана и предначертана.

Жизнь понимается как проект, который нуждается в инвестициях, в рекламе, в маркетинге. Главным брендом становится собственное имя. Человек становится Я-компанией, мобильной Я-фирмой.

Сам по себе интернет – лишь феномен. Он может быть использован и во благо, и во зло. С одной стороны, человек получает доступ к информации. Интернет снимает дискриминацию.

С другой стороны, информацию он получает разную, и критерий экспертизы сидит уже в самом человеке. Ему надо самому отвечать за то, что он надыбил в сети – какого качества информацию. Интернет дает много чего, это океан источников информации, и в этом смысле он не персонифицирован, анонимен.

Поэтому, с одной стороны, он как бы дает свободу (Нате! Получите!), с другой стороны, индивид без дополнительных костылей навигации может в нем и утонуть.

Приведем два прогноза.

Прогноз в стиле Д. Оруэлла. Картина будущего рисуется в духе тотального контроля над человеком. Управление осуществляется через страх. Человек управляется Старшим Братом.

Прогноз в стиле О. Хаксли. Картина будущего рисуется в категориях удовольствий. Предоставление человеку максимума удовольствий. Мир удовлетворений. Даже есть целое направление в экономике и менеджменте – «экономика впечатлений».

В этом духе современная медиасреда и описывается многими экспертами. Она дает возможности, причем большей частью возможности для развлечений, проведения досуга, вкусного питания, секса, приобретения разных товаров, услуг, всего, что украшает жизнь, превращает ее в красивый блестящий супермаркет. Ты идешь по нему и вокруг – мир блестящих игрушек.

Человека превращают в ребенка. Мир инфантилизируется, человечество становится таким большим инфантом, весь мир вокруг – супермаркет с подарками и

игрушками, которые можно купить, достаточно протянуть руку. Он ярок, заманчив, создает полноту страстей и эмоций и главное – доступен.

Но и то, и другое – кашкан.

Органопроекция наизнанку

Еще в 1877 году Эрнст Капп ввел термин «органопроекция». Им он объяснил феномен усиления и удлинения тела с помощью технических устройств. Эта объяснительная схема продолжала натуралистическую традицию понимания человека как существа, в котором сосредоточены его духовные качества и которого можно уподобить машине. Как это делал психолог Фехнер: «Глаз действует пока он похож на камеру-обскуру, бронхи – пока они похожи на флейту, сердце – пока оно похоже на помпу, все тело со всеми его химическими процессами – пока оно похоже на топящуюся печь, выносящая влагу кожа – пока она похожа на холодильник» [7, с. 155].

Эта аналогия отмечалась потом Флоренским, который ссылаясь на Э.Каппа и также использовал термин органопроекции. Он отмечал, что «и техническое приспособление, и орган выдвигаются одной потребностью и строятся одной внутренней деятельностью». Отсюда понятно их сходство. Существо орудия – в том, что оно является проекцией органа, всего тела в целом. Равно как и дом, жилище являются продолжением нашего дома души, то есть тела.

Возьмем более радикальные примеры, связанные с воздействием на человека натурально, физически. Уже используются ноотропные препараты, влияющие на сознание. Например, капли Семакс улучшают когнитивную функцию, работоспособность, память. За их разработку наши ученые получили Госпремию. Это достигается за счет увеличения доступа кислорода в мозговую ткань. Или средство селанк, которое помогает бороться со стрессом, снимает тревогу, страх.

По этой логике строится «аптека ума» или идеология smart drugs, умных лекарств – прими пилюлю и у тебя уйдет страх, ты будешь лучше соображать, перестанешь бояться. И вскоре полицейские, педагоги, управленцы, ученые дружно будут принимать эти таблетки и будут более эффективны в своей деятельности.

Нейрофизиологи и генетики так и мыслят. Сам человек не предполагает меняться деятельностно и культурно. Достаточно принять таблетку. Или пристроить к нему электронный или иной протез.

Тем самым демонстрируется та самая стратегия манипулирования, философия секрета. Какова модель человека в таких опытах? Привычная натуралистическая модель стимул-реакция, рефлекторная модель натурального существа с рефлексамми и весьма плохими физическими данными от рождения по сравнению с животными, которые и видят дальше, и слышат лучше, и бегают быстрее.

Интерфейс мозг-компьютер уже построен. Это уже не фантастика. Профессор Каппан, руководитель группы изучения мозга человека биологического факультета МГУ с помощью своих машин читает мысли, предугадывает и проч.

А в Курчатовском институте создан Институт когнитивных исследований под руководством профессора Б.М. Величковского, лидера когнитивной психологии в Союзе и России.

Все это и многое другое делается в сотнях лабораторий мира. Скоро интерфейс мозг-компьютер будут выстраивать в массовом порядке. Например, это важно для инвалидов, которые как бы силой мысли будут управлять своими инвалидными колясками. Или интерфейсы, важные для операторов, для водителей, для летчиков. То есть людей, которые составляют нераздельное единство со своей машиной. Это понятно любому водителю, который ощущает себя и свою машину как единое целое.

Или возьмем зрительные протезы. Здесь тоже нет уже ничего фантастического. Нейропсихологи и нейрофизиологи только обсуждают материал, из которого сделать электрод, вживляемый в мозг. Но сама схема и акт передачи изображения в мозг минуя глаз, уже отработана.

Схема в целом такая же. Таблетка как химический протез, улучшающий исходно данную тебе физиологию и психогенетику.

Вот, что говорит физиолог профессор А. Каплан из МГУ: «Я физиолог, и мой основной метод исследования мозга – электроэнцефалография. Это такое окошко в мозг, с помощью которого можно посмотреть сквозь кости черепа. Электрический ток, который генерирует мозг, распространяется примерно так же, как обычный ток в проводнике. Только кости и прочие ткани человеческого тела – не очень хороший проводник, поэтому ток быстро затухает. Но если мы приставим контакты к коже головы, то сможем измерить этот ток, разность потенциалов между точками на поверхности головы. Эти изменения электрического потенциала – отголоски деятельности мозга.

Электроэнцефалография на сегодня единственный метод, позволяющий в реальном времени следить за работой мозга. Остальные методы косвенные. Например, популярнейшая сегодня функциональная магнитно-резонансная томография позволяет следить за кровотоком в мозгу, то есть за энергетическим обеспечением информационных процессов, но не за самой активностью нейронов» [1].

Хотя он же и признает, что электроэнцефалография – просто шум от паровоза, следы пробежавшего зверя. Но по шуму машины опытный механик может судить о том, как работает двигатель. Так и здесь. Долго физиологи занимались распознаванием шумов работы мозга. Сейчас многое уже выстроилось в некую модель.

Значит, что получается? Физиолог все равно строит модель по этим шумам. Он не видит мысль. Он слышит шумы и видит сигналы на осциллографе. И строит уже свою весьма также спекулятивную модель. Он все равно, несмотря на свой натурализм, строит модель по шумам и сигналам. И пытается задним числом объяснить то, что он слышит.

И также физиолог понимает, что он вообще-то не мысли читает, а измеряет функциональное состояние мозга и описывает его в типах ритмов (дельта, бета, альфа). О чтении мыслей по нервным импульсам речь не идет – кодировка абсолютно неизвестна, к тому же наверняка эти коды у каждого человека свои. Сейчас вообще непонятно, как к этому подступиться, полагает Каплан.

Поэтому А. Каплан ставит иную задачу – как работает интерфейс мозг – компьютер, и как улучшить работу между двумя информационными машинами, мозгом и компьютером.

С помощью управления ритмами мозга можно управлять внешней машинкой, например, компьютерной игрой. Сосредотачиваясь на знаке, букве, цифре, можно их заставлять машину переставлять с места на место. И далее – в целом можно играть, печатать, не прибегая к мышке, а как бы силой мысли, то есть через ритмику мозга. То есть опять же сугубо материальным воздействием, только сила воздействия – не от пальцев на мышке, а от импульсов мозга⁴.

⁴ А. Каплан даже измерял в Индии ритмику мозга у йогов: «получилось так, что я два года проработал в Индии профессором в университете. В Индии заниматься ежедневной медитацией так же общепринято, как у нас чистить зубы, поэтому у меня не было недостатка в испытуемых. Но чтобы найти настоящих йогов, посвятивших жизнь этому занятию, я стал выезжать в ашрамы, в частности в ашрам Вивекананды неподалеку от Бангалора. ... нередко в ашрамы приходят и настоящие йоги, которым приходится терпеть туристов, потому что ашраму нужны деньги. А ашрам Вивекананды, далекий от туристских трасс, вообще не пытался делать бизнес. Я пожил там, и мне удалось пообщаться

Итак, интерфейс «мозг–компьютер» уже существует. Каплан его показывал в Шанхае на Всемирной выставке ЭКСПО. Испытуемый уже может собирать паззлы, переставлять картинку с места на место.

Началось, конечно, с благих побуждений – с заказа американцев на разработку интерфейса для инвалидов, которые не то что пальцами, а даже подмигнуть не могут. В США таких 300 тыс. Но если мозг сохранил свои функции, то можно, минуя тело, пристроив к инвалиду подобное устройство, фактически заменить ему его брненное немощное тело.

А. Каплан и говорит: мозг – это информационная машина супервысокого уровня. У человека огромное количество идей, а претворять их в жизнь он может только с помощью мышечной системы, ужасно нас ограничивающей. Вся наша гигантская психическая деятельность должна как бы просовываться сквозь узкое горлышко мышечной активности. Нашему мозгу не хватает орудий для воплощения идей. Мозг должен взаимодействовать с внешней средой напрямую!

По этой же логике мышление понимается химически, натурально. Допускается, что мысль сосредоточена в мозгу, что она имеет химическую природу, похожа на цепь химических реакций. И этому вроде бы есть подтверждение – веками человек употребляет алкоголь, который как раз влияет на его мозг. Потому алкоголю или наркоте надо противопоставить иные, «добрые» лекарства, которые не дурманят человека, а наоборот подвигают его на плодотворный труд, избавляют от стрессов и страхов, улучшают память и скорость мышления.

Эта упрощенная модель «индивид-среда, стимул-реакция» здесь доминирует. Помогает ли она нам объяснить переживаемые нами тренды?

Проблема ведь в том и состоит, что в целом человек становится (или нет?) этим самым инвалидом со встроенными электронными протезами, существом, отдающим все свои заботы машинам и сидящий в виртуале.

Одно дело – помогать инвалидам, лишенным возможности управлять своим телом, другое дело – сам человек превращается сознательно в этого инвалида, имея изначально нормальное тело.

Этакая органопроекция наизнанку. Одно дело – изобретать микроскоп для усиления зрения и познания мира, изобретать машину для усиления рук и ног и строить дороги и мосты.

Другое дело – отдавать заботы внешние машине и перестать заботиться о себе самом.

Человечество тем самым не ведая того, сажают на добрую иглу. Голова болит – выпей цитрамончик или пенталгинчик и все пройдет. По этой же логике – выпей еще некий препарат, будешь обладать сверхчеловеческими способностями.

Только если ранее во времена зарождения бихевиоризма и рефлексологии человек с его мозгом считался черным ящиком (отсюда – вся тестология со своими входными и выходными данными), то теперь его можно полностью просветить рентгеном. Сейчас с помощью компьютерной томографии и магнитно-резонансной спектроскопии человека можно полностью просветить и, как считают ученые-натуралисты, видеть мышление, работу нашего сознания.

с настоящими йогинами. Чего только о них не пишут! Например, что во время медитации ЭЭГ у них вообще исчезает – ровная линия, как у мертвого мозга, все мысли “уходят в космос”. Так вот, у самых продвинутых йогов в состоянии самадхи, глубочайшей медитации, ЭЭГ обычного человека. Оказалось, базовый ритм ЭЭГ почти не связан с той работой сознания, которую проделывают йоги, отстраняясь от мира в процессе медитации. Но я все же нашел в узоре ЭЭГ своеобразные метки самадхи – в литературе они называются “альфа-тета качели”. Это быстрая последовательность сменяющих друг друга альфа- и тета-ритмов. Такой вот признак ухода от мира, когда опытный в этом деле человек пытается удержать состояние внутренней пустоты» [1].

Разумеется, подобная прозрачность и доступность всех тайн и закоулков сознания человека на руку коварным злодеям, замысляющим преступные планы контроля над миром. Это пока тоже утопия. Но опять закладывается та же натуралистическая модель человека – просветишь его на томографе и тебе будет все видно.

Тайна человеческого в человеке будет проявлена на экране. Ха!

Дальше – больше.

Киборгизация как тренд воплощается в весьма серьезных метаморфозах. Пока ученые делают опыты на крысах и кроликах. Ведутся эксперименты поживлению имплантантов в их мозг и изучается – как электроды будут вести себя в мозговой ткани. Не возникает ли воспаление, коррозия материала? А в будущем предполагается, что многие, особенно слепые и глухие люди будут видеть и слышать с помощью этих электродных протезов. Возникнет объемное зрение и зрение в разных диапазонах. Мы видим на 180 градусов, не видим, что сзади и сверху. Мы видим в узком диапазоне волн. С помощью зрительного протеза мы будем видеть сверху и сзади, видеть в ультрафиолетовом, инфракрасном и рентгеновском диапазонах.

В общем, как киборги в голливудских блокбастерах.

В Ростове уже провели реальный эксперимент. Черепаше вживили электроды. Установили на панцире микропроцессор и управляли ее поведением с помощью джойстика.

В будущем все наши привычные мобилы и ноутбуки превратятся в электронные протезы, которые можно вставлять в мозг и человек-киборг прямиком встраивается в мировую сеть.

Но при этом забывается главное – мы все более испытываем главные онтологические дефициты.

Дефициты человеческого

Время

У нас нет более сил и желаний тратить время на содержательное включение в реальную собственную жизнь. Времени на заботу о себе и другом нет.

Многообразие контактов в виртуальных сетях замещает контакты в реальном времени. Сам факт того, что виртуал стал называться социальной сетью, показателен. Эта виртуальная коммуникация стала называться социальной сетью при отсутствии социальности.

Достаточно посмотреть – как она формируется, эта социальная сеть. Там помещаешь фотки, два слова про интересы, работу, досуг. И пишешь всякие короткие месседжи. Тебе тоже пишут. Обмениваешься новостями про то, какие фильмы смотрел, что видел, где тусовался. Про магазины и проч. И собственно все.

Ученые подсчитали, что в России 20 млн. активных пользователей интернета. Тех, кто сидит в нем каждый день как минимум 1 час. Это уже явно выраженный тренд.

На что тратится этот час? На чаты, помещение разных своих месседжей в facebook, виртуальные тусовки в «одноклассниках».

В этом формате невозможно глубоко общаться. Встреча глаза в глаза требует глубины. Интимности и проникновения. Социальная сеть этого не требует и не позволяет сделать.

Чтобы появилось время, нужно выйти из виртуала в реальное время и встретить реального собеседника. Где же он? А он тоже в чате сидит.

Времени не хватает все более. Я откладываю серьезные дела на завтра. На неделе откладываю какие-то серьезные дела на выходные. В этом месяце откладываю на следующий месяц. Более серьезные дела – на следующий год.

Возникает феномен отложенной жизни. Жизни на завтра. Сегодня я преодолеваю хлопоты и заботы, они для меня вынужденные, в ожидании отложенного настоящего. Вот сейчас перетерплю, а там...

А чтобы переждать и перетерпеть пустоту сегодняшнего дня, в ожидании настоящего, завтрашнего, я все более нуждаюсь в экстремальных практиках, заполняющих пустоту виртуального, скорого и не настоящего общения. И я бросаюсь в парк, врубаюсь в стрит-трейнинг, фристайл.

Общение

При кажущемся обилии виртуальных контактов все более обостряется онтологический голод. Потребность обрести себя, стать, понять другого. Растет потребность в Другом. Школьники весь день сидят в школе. Мало общаются, даже на переменах. Точнее на переменах получают эрзац общение, в курилках, за углом или зубрят домашнее задание перед уроком. Потом приходят домой и садятся в социальную сеть и уже общаются как бы по-настоящему друг с другом или с другими агентами, пользователями, выдавая это общение за полное, получая в нем удовольствие, потому что оно как бы свободное, не контролируется, без училок и родителей.

Это используется опять же бизнесом. Сок «Моя семья» эксплуатирует эту потребность. Что это? Возврат к семейным ценностям или больше маркетинговый ход? Ведь сам сок от этой рекламы качества не приобретает.

Понимание. Мышление

В виртуале возникает иллюзия понимания, иллюзия полноты жизни. Социальная сеть – большой искушитель. Она делает вызов педагогике и социальной психологии. В сети нет учителей, нет авторитетов. Точнее ты как бы выбираешь их сам. Экспертами становятся для тебя сами сверстники, те, кому ты доверяешь, причем доверяешь в виртуальном времени. Еще не известно, что будет, если ты с твоим виртуальным другом пойдешь в разведку.

Интернет-педагогика еще в принципе не сложилась. Педагоги не знают, что делать с этим феноменом. В лучшем случае пытаются использовать интернет как среду поиска информации. Но то, что давно центр авторитета и поиска образцов и экспертных суждений по жизни сместился в виртуальный митр, и реальные люди, взрослые – не авторитет для молодых, это факт. А если так, то и носитель образцов – не учитель. А кто? Земфира? Терминатор? Анна Чапмэн? Этакие медийные персонажи?

Значит учитель, если он умный, должен становиться тем носителем образца, который и сам интернет может использовать тоже как средство конструктивного воздействия, а не призывать детей к тому, чтобы они читали книжки и не лазили по интернету.

Вернемся к началу. Что такое тренд?

Трендом является для нас все большее увеличение числа и доли тех или иных практик, которые проделывает человек, и которые меняют его образ жизни, его идентичность.

Например, не сам по себе мобильник или ноутбук есть тренд, а то, что происходит с человеком, который десять лет назад не знал мобильного, а с его появлением он меняет образ жизни, меняются его привычки, его уклад, его коммуникации и проч.

Получается такая схема: изобретение – новые привычки – массовизация привычек – социальный тренд – новая социальная норма – трансляция новых норм – тренд.

К примеру, дорожники прокладывают дорогу. Сама дорога – еще не тренд. Если же вдоль нее появляются новые города, постройки, инфраструктуры, то они меняют среду. Изменение среды уже относится к трендам.

Тренды – это новые дороги, запускающие новые инфраструктуры и меняющие среду, в которой начинает жить и новый человек. Какой?

Социолог Александр Новиков, один из авторов исследования и директор упомянутой выше компании «Радость понимания» говорит: «Уж если отвечать честно, я не могу сказать, что у меня оптимистичная картина. Трендоид – это очень тяжелый человек, потому что пока, если этому не сопротивляться, если не жить внимательно, без попыток понимания всего происходящего, человеческого в нас будет оставаться все меньше и меньше, мы все меньше будем чувствовать себя и в этой стране, и на этой территории, и в этом времени. Мы всегда будем не здесь и сейчас, а там и тогда. Я буду разговаривать с вами, при этом заниматься почтой: я и не с вами и не там, где почта, и не с теми, кому пишу sms.

Но меня интересует страна, в которой я живу, и самое главное – для того, чтобы здесь начать что-то изменять, нам нужно начать жить здесь – на этой земле, в этом городе, и понимать, что нет больше беспечальных мест на Земле. Рыбка ищет, где глубже, кто-то ищет там, где лучше, а человек ищет то место, где он может сделать больше всего из того, что ему предназначено судьбой сделать. И трендоид может оказаться как человечиком, который ничего не понимает и живет, как не очень вмняемое существо, ища место, где ему будет хорошо, а точнее, где, как он будет думать, ему хорошо, так и может развиваться и быть человеком, который пытается сделать максимум из того, что можно сделать. Возможно ведь идти против тренда, чтобы породить другой, новый тренд. Нужно изо всех сил стараться жить всегда, а не во время отпуска, выходных, уезжать куда-то для того, чтобы начать “жить”.

“Делай то, что должно, и будь, что будет”. Других выходов нет, что бы мы ни думали. Главное, мы не должны игнорировать эти тренды. Все, что мы знаем, не должно ставить нас в ступор, не должно нас парализовать. Мы должны это учитывать и двигаться дальше» [9].

Возвращаемся к изначальному нашему вопросу – что значит управлять трендами? Управлять трендами – значит запускать нужные тренды.

А запускать тренды – значит использовать фармацевтику культуры. Яд превратить в лекарство. Нужна новая антропологическая альтернатива. Не пилюля для спасения, а возможность онтологической реализации. Поскольку при отсутствии этой адекватной для человека антропологической практики любое техническое новшество моментально превращает слабое эмпирическое существо в своего раба.

Поэтому тренировать надо и выращивать новые функциональные органы, а не выращивать протезы.

Если сеть превращается в паутину, в которой гибнет этот жаждущий и не умеющий ничего индивид, то значит сеть надо превращать в ресурс для личного конструирования.

Мобильники и ноутбуки, интернет надо превращать из средства порабощающего в средство освобождающее.

Но это возможно лишь при смене идентичности. При культурном росте. Эмпирический индивид, привыкший потреблять, не умеет использовать интернет во имя собственного освобождения, поскольку культурных орудий у него для этого нет.

Феномен киборга родился не вчера. Он рожден по той же схеме – прикрепления к телу человека искусственного изделия. Так делалось всегда, когда инвалиду отрубленное тело заменяли костылем или протезом. Отсутствие органического

органа заменялось искусственным инструментом. Но при усилении натуральных способностей с помощью электронных протезов мы получаем киборгов, которые превращаются в киллеров. Мало усиливать натуральное зрение с помощью электронного протеза. Нужно формировать духовное зрение. Что ты будешь делать с этим объемным зрением, дорой киборг?

Или наоборот. Чтобы усилить естественные способности (глаза, руки) человек изобретал искусственное орудие, продлевающее его руку или глаз, усиливал себя искусственным глазом или рукой. Тогда появляются микроскопы и проч.

Кончилось дело окончательным слиянием человека и компьютера и сформировался интерфейс «человек–машина».

Но родился феномен киборга именно из естественной потребности усилить свое тело, из феномена органопроекции, о которой мы уже писали выше.

Органопроекция может быть использована и как яд – смертельный для старого слабого существа, и как лекарство для нового, для становления новой конструктивной идентичности человека, радикально не похожего на привычный биоидный тип. Последний тип как раз и вымирает. Он прибегает к агрессивным формам самоутверждения в мире как раз из-за собственной физиологической слабости от первого рождения. И в нем побеждают механизмы сверхкомпенсации и защиты. Тогда они начинают надстраивать над собой панцирь киборга.

Другой сценарий, мутанта, рождается по схеме проникновения в генную программу собственного появления и изменения ее с точки зрения усиления ресурсов, но опять же для укрепления себя и защиты, опять с точки зрения агрессивной стратегии.

Поэтому управлять этими радикальными трендами необходимо из самой сердцевины: что может заменить тот же феномен органопроекции, но с другим эффектом – не в агрессивной стратегии, которая поработает умирающего человека-биоида, а даст ему возможность строить полноту самореализации, но вместо наркотиков и суицидальных трансгрессивных практик предложил бы практики онтологического самостроительства и преображения.

В таком случае возвращаемся к родовым вещам.

Нужна возвращать человеку его родовые потребности, утоляя базовые дефициты – время, общение, память, мышление, преображение.

А это возможно не технологически, не через изобретения новых умных машин, а посредством введения антропологических практик. Например, с ребенком надо возиться, буквально, физически. Чтобы, когда приходит отец домой, ребенок по нему весь вечер ползал и играл. Друг с другом надо говорить. Друг другу надо писать.

Это не интеллектуальные задачи. Это духовные запросы.

Если органопроекция возникла из естественной потребности усилить свое тело, то этот феномен надо превращать в орудие развития, а не в оружие уничтожения.

Надо менять стратегию, а не бороться с техникой, с интернетом и прочими достижениями техногенной цивилизации.

Проблема именно в этом. У нас нет новой модели человека, человека возможного, человека тайны. У нас до сих пор доминирует модель человека секрета, человека, которого можно разгадать, объяснить, детерминировать.

А.А. Пузырей так и сказал: в психологии и сегодня нет никакой другой парадигмы, кроме объясняющей и детерминирующей. Мы задним числом объясняем, констатируем, фиксируем поведение человека [6, с. 161]. Но иной методологии, которая бы задавала вектор размыкания, у нас нет. Мы опять объясняем человека с точки зрения готовых схем, но не задаем свежее дыхание, не раздвигаем горизонты.

Этот новый вектор задавал Л.С.Выготский в «Трагедии о Гамлете», М.М. Бахтин в «Философии поступка», о. П.А. Флоренский в своей антропологии. Но эти прецеденты не задали тренда

Это самое сложное. Отец П.А. Флоренский в ответ открытию Э. Каппа добавил существенное и радикальное: глаз осуществляет работу. Он не только орган (эргон), но и энергейя, «глаз изнутри есть не что иное, как влечение к свету» [7, с. 171].

Не глаз сам по себе надо менять бедному инвалиду. А культивировать у него влечение к свету.

Дай бог всем нам вновь обрести это влечение к свету. Чтобы не остаться инвалидами.

Литература

1. Великая когнитивная революция // Русский репортер. – 2010. – Октябрь.
2. *Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г.* Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. – М.: МЦНМО; ФИЗМАТЛИТ, 2010.
3. Новое платежеспособное поколение // «STATUS в Новосибирске». – 2010. – Декабрь.
4. *Петров М.К.* Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991. – 328 с.
5. *Петров М.К.* Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. – М.: Росспэн, 1995. – 140 с.
6. *Пузырей А.А.* Манипулирование и майевтика: две парадигмы психотехники // Вопросы методологии. – 1997. – № 3-4.
7. *Связь. Павел Флоренский.* У водоразделов мысли // Символ. – Париж. – 1992. – № 28.
8. *Хоружий С.С.* Аналитика размыкания человека как методология диагностики антропологических трендов // Человек.RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ. – 2010. – № 6.
9. Человеческого в нас будет оставаться все меньше. – URL: <http://slon.ru/articles/360021>

11 января 2011 г.